

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ ПРЕСТУПНИКА И ЕГО РОЛЬ В РОЗЫСКНОМ ДЕЛЕ

Воронин С.Э. – док.юр.наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистик МИСЭиП,
Красноярский государственный аграрный университет

Метод построения «психологического профиля преступника» уже давно получил широкое признание как в криминалистической науке, так и в розыскном деле. Психологический профиль (портрет) преступника, как правило, применяется для описания особенностей и специфических деталей действий преступника, исходя из анализа объектов материального мира и основных законов психологии, что позволяет называть его одним из методов психодиагностики места происшествия. Кроме того, полагаем, данный метод можно рассматривать и как один из вариантов криминалистического прогнозирования.

Впервые о возможности диагностики места происшествия с помощью психологического портрета преступника заговорили криминалисты США. Исследования, проведенные ими, показали, что можно делать выводы об образе жизни, криминальных особенностях и месте постоянного проживания т.н. “серийного преступника” на основании данных, свидетельствующих о том, где, когда и как были совершены им преступления (1).

Опыт каждодневной практики сотрудников ФБР постепенно формировал концепцию так называемой внутренней логики преступления. Ее принципы можно проиллюстрировать. Например, предположением, что хорошо разработанное и организованное преступление совершается лицом, которому вообще свойственно тщательно планировать и формировать свою жизнь.

Одной из главных гипотез при создании психологического портрета преступника является допущение, что способ совершения преступником первого преступления будет иметь некоторое сходство со способом совершения им других преступлений. Второй гипотезой является предположение о предопределенности расстояния между домом преступника и местом совершения им преступления. Третьей - гипотеза о специфичности преступлений.

Если существует вероятность того, что при совершении какого-то конкретного вида преступлений преступник проявляет определенную последовательность действий, то возникает вопрос об его “профессионализме”. Здесь важно то, что, как предполагается, преступники обладают рядом однотипных криминальных “репертуаров” и, вместе с тем, индивидуальными особенностями.

Однако в зарубежной криминалистической литературе существует точка зрения, согласно которой молодые преступники имеют склонность использовать эклектически различные модели преступлений, то есть совершать разные виды преступлений. Последнее обстоятельство значительно усложняет задачу психодиагностики места происшествия (2. С.83-90).

Результатом исследований, проведенных американскими учеными, стало следующее:

1) Выявление устойчивых связей между местом преступления, его способом, характером следовой картины; периодичностью преступных действий и виктимологическими особенностями жертвы.

2) Возможность создания розыскной модели вероятного преступника по тем или иным признакам места происшествия.

3) Возможность психолого-психиатрической идентификации подозреваемых и обвиняемых путем соотнесения их с розыскными моделями (3. С.75).

Попытки исследовать причинно - следственные связи между социально-психологическими характеристиками личности преступника и механизмом совершенного им преступления с помощью математического аппарата нашли свое выражение в построении уравнения так называемой основополагающей (канонической) корреляции. Эта процедура ставит своей целью объективный анализ связи между двумя группами переменных величин. Иначе говоря, это попытка выведения сложных регрессионных уравнений, которые содержат ряд переменных критериев, а также определенное число прогностических переменных величин.

“На одной стороне этого уравнения находятся необходимые для следователей переменные величины, извлеченные из информации о преступлении, на другой - характерные особенности преступника, имеющие поисковую ценность.

Так, если $A_1 \dots n$ означает действие преступника (включая, например, время, место и выбор потерпевшего), а $C_1 \dots m$ означает характерные особенности преступника, то весовые соотношения между $F_1 \dots F_n$ (где F – коэффициент корреляции устойчивых признаков механизма преступления) и $K_1 \dots K_m$ (где K – коэффициент корреляции устойчивых признаков в психологическом профиле преступника) могут быть записаны уравнением следующего вида:

$$F_1 A_1 + \dots + F_n A_n = K_1 C_1 + \dots + K_m C_m \text{“ (4. С.23).}$$

Как хорошо видно из данного уравнения, имеется прямо пропорциональная связь между данными о механизме преступления и данными о личности преступника. Полагаем, справедливо в связи с этим отмечает Д. Кантер, что “... если бы такие ортодоксальные уравнения можно

было выводить для любого дополнительного ряда преступлений, то это бы послужило мощной вспомогательной основой для криминалистики и удивительных психологических парадоксов в теории преступного поведения” (4.С.22).

В отечественной научной литературе также предпринимаются попытки психодиагностики МП с помощью методики построения психологических портретов вероятных преступников. Особенность таких исследований состоит в том, что большинство трудов, посвященных данной проблеме, в качестве объекта исследования выбирают личность сексуального маньяка. И это не случайно, так как преступление данного вида имеет важный системообразующий фактор - серийность, который позволяет исследовать данное явление с помощью системного и ситуационного методов. В связи с этим представляются удачными результаты исследования известного психиатра А.О. Бухановского, составившего вероятный портрет Чикатило, который полностью совпал с реальным (5. С.22).

Что же касается психологического профиля ваххабита, то здесь ситуация осложняется тем, что отсутствует самая главная детерминанта, необходимая для выведения уравнения канонической корреляции – серийность преступлений, если только не считать устойчивым признаком совершения преступлений исследуемого вида приверженность лица учению салафитов (салафия). Выстраивая психологический профиль российского ваххабита, мы основывались на материалах уголовных дел, возбужденных по признакам статьи 282 УК РФ «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды», а также статьи 205 УК РФ «Терроризм». В данной статье мы умышленно не касались проблемы шахидок, которая требует самостоятельного изучения и выходит за рамки поставленных исследовательских задач.

Итак, на основе изученных нами материалов уголовных дел среднестатистический российский ваххабит представляет собой молодого человека в возрасте от 18 до 25 лет, имеющего среднее или средне-профессиональное образование. Как правило, это - уроженец Северного Кавказа, хотя из этого правила уже есть свои, причем, весьма тревожные исключения.

Например, известный ваххабит и лидер кавказских сепаратистов Саид Бурятский (Александр Тихомиров), ликвидированный спецслужбами России в марте 2010 года, являлся уроженцем Бурятии.

Как правило, молодой человек, принявший учение салафитов, происходит из многодетной семьи, являясь самым младшим ребенком в семье. Очень часто он занимает, как в семье, так и в школьном коллективе, положение «аутсайдера», что, в скором времени, неизбежно противопоставит юношу окружающему его враждебному миру. Поскольку по характеру лидерскими качествами он не обладает, являясь «ведомым», то очень быстро такой неуверенный в себе молодой человек попадает под влияние ребят, обладающих ярко выраженными лидерскими качествами. В результате, после окончания лицея или колледжа, «поиск себя» и желание обрести более значимый социальный статус (фактически, это - та же сублимация по Фрейду), нежели у него был в школе и семье, приводит этих юношей в исламские экстремистские организации (как у нас, например, в Москве и Санкт-Петербурге очень часто таких «ищущих» ребят «поиск себя» приводит к скинхедам).

Далее, идеологическая работа ваххабитов с такими людьми выстраивается по следующей схеме: используя то, что учились они в школе достаточно плохо, а также, как правило, лишены способности к аналитическому мышлению, алимы (учителя Ислама) заставляют выучивать их огромное количество сур на арабском языке. Кстати, покойному Саиду

Бурятскому ставилось в заслугу то, что он помнил наизусть 40 хадисов «Навави с шархом», «Акида Тахави» и «Умдатуль Ахкам». Бездумная «зубрежка» коранических текстов на арабском языке (отметим, что подобную психотехнику зомбирования с помощью бесконечных мантр практикуют и кришнаиты в отношении своих адептов) вкупе с массивной проповедью экстремистского содержания в отношении неверных («кяфиров») вскоре приносит свои долгожданные плоды: «созревший» юноша до глубины души проникается идеями «джихада» и желает уже в реальности обратить всю свою накопившуюся злость против ненавистных иноверцев – «свиноедов». А дальше эта идеологическая платформа юного ваххабита неизбежно накладывается на военную романтику «лесного братства», красивые ритуалы богослужения «воинов Ислама» в «полевых» условиях и прочую идейную чепуху, ставшую значимой для этого дезориентированного молодого человека – к сожалению, теперь уже хорошо знающего, куда и против кого направить свою неумную, абсолютно «слепую» энергию разрушения.

В результате подобных достаточно умелых манипуляций алимов (улемов) с сознанием молодого человека теперь он абсолютно убежден, что убийство «некомбатантов» (женщин, стариков, детей) является поступком, всецело одобряемым Аллахом, гостеприимно открывающим перед ним, террористом – смертником, врата в долгожданное Царствие Небесное.

Литература

1. Hazelwood, R.R. and Bargess, A. (eds) Practical aspects of Rape Investigation: a multidisciplinary approach. Amsterdam, 1987; Elsevier. Resler, R.K. Bargess, A.W. and Douglas I.E. Sexsual Nomicide: Patterns and motives: Lexington, 1988.

2. Кантер, Д. Психологический профиль преступника / В сб. «Проблемы использования нетрадиционных методов в раскрытии преступлений». - М., 1995.

3. Антомян, Ю.М., Верещагин, В.А. Розыскной портрет серийных сексуальных убийц / В сб. «Проблемы использования нетрадиционных методов в раскрытии преступлений». - М., 1995.

4. Tabachnick, B.D. Fidell, L.S. Using Multivariate Statisting. London: Harper end Row. 1983.

5. Антонова, С. Девятилетний вампир и феномен Чикатило // Аргументы и факты. 1997. № 37.